

«Песня Еремушке» и революционная обстановка в России конца 1850-х годов

В конце 50-х годов, вскоре после «Размышлений у парадного подъезда», Некрасов пишет знаменитую «Песню Еремушке». Некрасов и ранее неоднократно обращался к образам людей, охваченных пафосом революционного подвига (Белинский, Крот в поэме «Несчастные»). «Песня» особенно характерна, так как создавалась в накаленной атмосфере. В литературе о Некрасове она обычно и рассматривается как непосредственный отзыв на возникающую в стране революционную ситуацию, как ответ на вопрос, поставленный в «Размышлениях». Так, в интересной и обстоятельной работе «Песня Еремушке» и идейно-политическая борьба конца 1850-х годов» Ф. И. Евнин указывает, что если до «Песни Еремушке» у поэта еще нет уверенности в революции, то здесь эта уверенность наконец выразилась:

«...Общая направленность и тон «Песни Еремушке» таковы, — пишет исследователь, — что она как с точки зрения развития взглядов самого поэта, так и с точки зрения общего положения в стране и политической «температуры» в лагере революционной демократии могла быть создана лишь в условиях определившейся революционной ситуации, в период радужных надежд и ожиданий»¹.

Такое желание понять особенности произведения в связи с революционной ситуацией представляется совершенно справедливым. Ф. И. Евнин приводит заслуживающие внимания доводы, что стихотворение было написано не в 1858 году, как всегда полагали, а в середине 1859 года, в пору, когда революционная ситуация уже складывалась. Но даже если это и не так, в «Песне Еремушке» бесспорен призыв к революционному подвигу, которого не было в «Размышлениях у парадного подъезда»². Думается, что вообще в «Размышлени-

¹ Евнин Ф. И. «Песня Еремушке» Некрасова и идейно-политическая борьба конца 1850-х годов. — В кн.: Некрасовский сборник. М. — Л., 1956, т. II, с. 193.

² Это не значит, конечно, что стихотворение, как и другие некрасовские произведения, не использовалось в качестве средства революционной пропаганды. Так, в хранящийся в Гос. б-ке СССР имени В. И. Ленина рукописный сборник «Песни революции» (1905—1906 гг.) входят «Размышления у парадного подъезда», переписанные рукой И. И. Штрикунова, участника севастопольского восстания солдат и матросов в 1905 году.

ях» вопрос не сводится к какой-то ситуации, четко хронологически определяемой. Появившаяся в вариантах строка «он стонал под татарской пятой» во всяком случае еще раз свидетельствует о стремлении осознать народные судьбы в широкой исторической перспективе. Конечно, «Песня» и по жанру своему более оперативна.

Однако решение вопроса о народе в «Песне» и о связи ее с революционной обстановкой не столь непосредственно и просто, как об этом обычно пишут.

До сих пор никто не сказал о самой сути этого стихотворения лучше Добролюбова, писавшего одному из друзей: «Милейший! Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить «Песню Еремушке» Некрасова, напечатанную в сентябрьском «Современнике». Замени только слова *истина — равенство, лютой подлости — угнетателям*; это — опечатки, равно как и *вить* в 3-м стихе вместо *вишь*. Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости. Боже мой! Сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура!..»¹

Добролюбов точно заметил и определил основную особенность стихотворения — дидактичность. О какой дидактичности, однако, идет речь? Она заключается отнюдь не в примитивной назидательности.

«...Обличать пороки окружающего общества, — писал «Русское слово», — может всякий, кто достаточно развил в себе нравственное чувство, или, вернее, силу простого здравого смысла, чтобы стать выше уровня массы и отличать белое от черного; и Персей обличал пороки римского общества, и Кантемир обличал, и Буало обличал, но ни Персей, ни Кантемир, ни Буало не могут быть названы поэтами. Некрасов не учит нас: вот это хорошо, а то дурно; это мы и без него знаем; он увлекает нас силою лирического чувства; он сам плачет, стонет, проклинает...» Это было напечатано в одиннадцатом номере «Русского слова» за 1861 год. В следующем номере журнал снова обращается к оценке Некрасова и, как бы отвечая на уже становящиеся традиционными обвинения некрасовских стихов в дидактизме, пишет: «Сатирик как-то невольно заставляет предпола-

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М. — Л., 1964, т. 9, с. 385.

гать в себе дидактизм, а в Некрасове дидактики почти нет совершенно. В нем дидактизм заменяется желчью и соболезнаванием, которые сами по себе жизненны в высшей степени, тогда как дидактика, в сущности, есть сухое, холодное, мертвое начало».

Почему же Добролюбов, конечно уж никак не считавший стихи некрасовской «Песни» ни сухими, ни холодными («они идут прямо к молодому сердцу»), назвал их дидактичными. Ф. И. Евнину даже как бы неловко за это добролюбовское определение, и он называет его условным. Может быть, действительно, речь должна идти просто о неточном выражении в частном письме? Нет. Добролюбовское определение — не огорка, а дидактизм стихов «Песни Еремушке» не свидетельство их слабости, но выражение существенных особенностей творческой и вообще идеологической позиции Некрасова, и не одного Некрасова, в назревающей революционной обстановке. Этот дидактизм заключается не в поучительности стихотворения, а в его условности.

Прежде всего, здесь есть условность внешняя, может быть в чем-то связанная с желанием обойти цензуру. Не случайно Добролюбов вспомнил о ней в связи с «Песней». В сущности, некрасовское произведение есть поэтическая и политическая прокламация.

Поэт не только зовет к нравственному подвигу, но ставит призывы в один ряд со знаменитым политическим лозунгом Великой французской буржуазной революции: «Свобода, Равенство, Братство!»

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Из цензурных соображений Некрасов вынужден был заменить слово «равенство» словом «истина».

Из письма Добролюбова нам известно, что вместо «истина» в стихотворении Некрасова было «равенство», и тот ошибся, кто подумал бы, что поэт имеет в виду не лозунг французской революции.

И даже будучи искаженным в подцензурном варианте:

Братством, истиной, свободою —

лозунг сохранялся в основном своем виде.

В. Е. Евгеньев-Максимов писал в свое время о более резких сравнительно с подцензурным вариантом обличениях, которые якобы содержатся в варианте копии Добролюбова. Это скорее дань устойчивому мнению, что в угоду цензуре можно всегда только смягчать и ухудшать, чем отражение действительного положения дел. Поразительно как раз то, что подцензурный вариант «Песни» оказался гораздо более резким политически, чем вариант копии Добролюбова, имевший несколько отвлеченный и морализирующий характер:

В мире лучше есть стремления,
Благородней блага есть.
Им нехитрые названия:
Слава, Знание, Любовь.
Не жалея за них дыхания,
Проливай до капли кровь.

Презирай пути лукавые:
Там разврат и суета,
Чти заветы вечно-правые.
И учись им у Христа. (II, 549).

В окончательной редакции исчезает образ Христа, а строка «Слава, Знание, Любовь» заменяется политической формулой: «Свобода, Равенство, Братство». Прочитав великий революционный лозунг столетия, поэт тем самым наполнил все свои призывы, даже могущие показаться отвлеченными, острым политическим содержанием. Язык морали на наших глазах заменяется языком политики. Стихотворение неуклонно перерабатывается поэтом в политическое произведение, почти в прокламацию.

Однако политические лозунги все же реализовались не в форме лозунгов, а в форме колыбельной песни, совершенно условной. В «Железной дороге», например, обращение поэта к читателю не минует непосредственного адресата — мальчика Вани, в «Песне Еремушке» такое обращение остается условностью, внешним приемом, обнаженным, нескрываемым. Грубо говоря, сам прием обращен к цензуре, а обнаженность его — к читателю.

Но, кроме того, колыбельная песня оказалась удачным способом для того, чтобы развернуть мораль, на которую поэт обрушился во второй части своего стихотворения. Эта мораль — в песне няни. И здесь снова приходится говорить об условности. Песня няни услов-

но народна. Будучи народной по форме или, вернее, будучи сознательно стилизована под народную песню, эта песня не народна по своей сути. И дело не в том, что поэт якобы опровергает какие-то темные и худшие стороны народной жизни и морали, как пишет об этом Ф. И. Евнин: «Гневно оспариваемая Некрасовым нянюшкина мораль рабской покорности и угодничества воплощает не подлинную народную мудрость, а лишь отсталые настроения пассивной части крестьянства»¹.

Конечно, в опыте народной жизни и в народной поэзии были близкие поэту стороны и качества, но были и такие, которые вызывали у него презрение и гнев. В книге «Мастерство Некрасова» К. И. Чуковский показал, как многообразно представлен этот опыт в поэзии поэта-демократа и как разносторонне поэт-революционер его оценивал. В «Песне Еремушке» же вообще нет народной морали, ни «подлинной», ни «отсталой». Вспомним слова няниной колыбельной:

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодцами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя... (II, 56)

Даже «отсталые настроения пассивной части крестьянства» проявлялись совсем в другой форме и в других отношениях. Все это: и поучение —

Поклонись...
Чтобы старшие...
В люди вывели...

и пожелание —

...С вельможами
Будешь дружество водить...

и, наконец, мечта о праздной жизни — лежит вообще вне опыта народной жизни и поэзии и пришла из каких-то иных общественных сфер. Здесь не народен сам тип мышления.

Не случайно Некрасов назвал такой опыт «пошлым»

¹ Некрасовский сборник, II, с. 179.

опытом», трижды повторяя, усиливая и разъясняя слово «пошлый»:

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов! (II, 57)

Пошлый опыт — ум глупцов — мораль, пришедшая не из народа, и форма выражения ее не народна, несмотря на то что элементы народной поэтики употреблены и даже подчеркнуты: уменьшительно-ласкательные «былиночки — сиротиночки», «соломушку — Еремушку» рифмуются. Эта подчеркнутость не случайна. Такая стилизация, такая условно-народная форма начинает играть роль очень существенную. Повествование о традиционной морали, закрепляясь в устойчивых формулах, отличающих народную поэтику, приобретает и внешне печать традиционности, старозаветности, освященности давностью времен.

Этой песне в произведении противостоит иная, боевая революционная песня, даже, скорее, не песня, а насыщенная страстной, энергической публицистичностью речь.

К кому же обращена эта речь-призыв? Историки литературы довольно единодушно отвечают: к крестьянству, к крестьянской молодежи.

«...Важный качественный сдвиг по взглядам Некрасова, связанный с «Песней Еремушке», — пишет тот же Ф. И. Евнин, — выразился в том, что здесь в центре внимания поэта уже не дворянский интеллигент-одиночка, ищущий путей в стан революции, и не условный образ изгнанника революционного просветителя, а народ — вопрос о народной революции, о пробуждении широчайших крестьянских масс к активной борьбе с царизмом». Ф. И. Евнин считает, что «только здесь, в «Песне Еремушке», тема пробуждения народа получила подлинное раскрытие. Только здесь адресатом прямых и развернутых революционных внушений Некрасова стала непосредственно крестьянская масса, крестьянская молодежь...»¹.

¹ Некрасовский сборник, II, с. 172, 173. См. также: «...каким вырастет Еремушка? Обобщающий смысл этого вопроса, очевидно, таков: каким будет русское крестьянство, — пойдет ли оно по пути, указанному в «песне яяни», или по пути, указанному в «песне проезжего». (Гаркави А. М. Возможности лирико-драматического жанра (К спорам о «Песне Еремушке» Н. А. Некрасова). — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Межвузовский сборник. Калининград, 1976, Вып. 3, с. 45).

Однако этому ответу вполне удовлетворяет только обращение к крестьянскому имени, которое содержится в названии песни, но не сама песня. Что касается народа и его революционных возможностей, то в «Песне Еремушке» нет иного и нового решения этого вопроса в сравнении с «Размышлениями у парадного подъезда». Непосредственное обращение к народу (и, кстати, не с революционным призывом) происходит несколько позднее, а именно в «Коробейниках». Казалось бы, внешний факт — посвящение поэмы крестьянству — не случаен. Он свидетельствует о завершении целого этапа внутреннего развития поэта, его движения к народу и о начале нового этапа. Но это впереди. «Песня Еремушке» обращена к молодежи.

«Внимание к молодому поколению, — писал В. Е. Евгеньев-Максимов, — было характерно для Некрасова. Поэт верил в молодежь вообще. Эта вера, как мы знаем, ярко сказалась еще в 1854—1855 годах в поэме «Саша», героиня которой хотя и принадлежит по происхождению к помещичьему классу, но подает надежду вырасти в сознательного и стойкого борца за интересы народа. Верил Некрасов, разумеется, и в молодежь из рядов разночинцев, в частности в молодежь, связанную своим происхождением с духовенством, а образованием получившую в бурсах, в семинариях»¹.

Конечно, странно было бы считать «Песню» адресованной какому-то определенному кругу или узкой группе людей, например к разночинцам. Это действительно обращение к молодежи вообще. Но это не только обычное для Некрасова обращение к молодежи, о котором пишет В. Е. Евгеньев-Максимов. Известно, что в числе групп населения, для которых революционеры готовили свои воззвания, особо была представлена молодежь.

«Надежду России составляет народная партия из молодого поколения всех сословий», — говорилось в прокламации². Думается, что в этой связи некрасовская песня-воззвание обретает дополнительный революционный смысл.

¹ Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М. — Л., 1952, т. III, с. 150.

² Лемке М. Политические процессы в России 1860-х годов. М. — Пг., 1923, с. 79.

Однако песня Некрасова адресована не собственно крестьянской массе и не крестьянской молодежи. Это не значит, конечно, что некоторые крестьяне не могли воспринять «Еремушку» и как к себе обращенного. Так, молодой С. Д. Дрожжин позднее в своем дневнике запишет: «Многие песни Некрасова затвердил наизусть. Особенно мне нравилась «Песня Еремушке»¹. Но ведь поэт-крестьянин Дрожжин если и не был «чудо родины», то был во всяком случае «редкое явление».

Нет сомнения, что роман Чернышевского «Что делать?» — революционный роман; но, кажется, еще никому не приходило в голову считать его обращенным к крестьянской массе. А у Некрасова в конце 50-х годов оснований для такого прямого обращения к крестьянству было еще меньше, чем у Чернышевского, именно потому что Некрасов был народный поэт.

Характеризуя обстановку в России этого времени, В. И. Ленин писал: «...Самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»².

В отличие от политиков крестьянской демократии, действительно предчувствовавших революционную ситуацию, поэт скорее предчувствовал ее трагический исход.

Соратник Чернышевского, великий народный поэт, Некрасов постоянно художнически исследовал народную жизнь, напряженно ловил ее лихорадочный пульс, и это исследование, видимо, не вызывало у него особенно радужных надежд. В «Размышлениях у парадного подъезда» есть хотя бы вопрос-обращение к народу. Созданное, видимо, в это же время стихотворение «Ночь. Успели мы всем насладиться» дает ответы горше всяких вопросов:

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит, во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,

¹ Дрожжин С. Д. Автобиография с приложением избранных стихотворений. М., 1923, с. 12.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

Предаться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятия о праве, о бже,
Как в подземной тюрьме без свечи... (II, 59)

Здесь нет ни энтузиазма, ни оптимизма. В жизни народа многое гадательно и темно. В преддверии революционной ситуации думы о народе рождали у Некрасова мучительные вопросы, иногда — надежду и никогда — уверенность. Однако, если народ пока оставался для поэта загадочным, были люди, без сомнения верившие в революцию, твердо готовившие себя к революционному подвигу; их было мало, но они были рядом, перед глазами, реальны. И поэт не мог не поставить на эту реальность, не мог не попробовать внести свою лепту в дело революционеров. Так рождался призыв к молодежи — следовать таким людям, стать самим такими людьми. Сохранилось кажущееся в связи со всем сказанным чрезвычайно примечательным свидетельство О. М. Антонович-Мижуховой, что «Песня Еремушке» создавалась Некрасовым в квартире Добролюбова, в непосредственном с ним общении¹.

За несколько лет до появления романа «Что делать?» Некрасов лирически предугадывал, предчувствовал и вызывал к жизни образ Рахметова, образ необыкновенного человека, призванного к подвигу, может быть единственному:

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:
Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

Вся речь к Еремушке и к тем, кого за ним видит поэт, — речь трибуна, публициста, революционного интеллигента.

Когда революционная интеллигенция пыталась обращаться к народу, то необходимость найти с ним общий язык была, видимо, не последней проблемой. Достаточно перечитать, например, прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», чтобы убе-

¹ См.: Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов в кругу современников. Л., 1938, с. 140.

даться в этом, как и в том, что проблема эта решалась очень и очень трудно.

Право, народный поэт уже слишком хорошо знал народ, чтобы не обращаться к нему с лозунгами французской революции, с кодексом революционной морали, с формулами, наконец, ученой диалектики:

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Своеобразная цельность этих «городских», «интеллигентских» стихов свидетельствует, что здесь нет даже малейших попыток непосредственно обращаться к крестьянству.

Своей «Песней Еремушке» Некрасов в новой революционной обстановке первым вносил в литературу идеал человеческой «максимы» в тот самый момент, когда он рождался в самой действительности. Вот причина необычайной жизненности и задушевности этого лирического образа, его могучего влияния на умы целого поколения.

Тем не менее и в этом образе есть своя условность. И снова приходится сказать об адресате, к которому обращается поэт. Конечно, Еремушка только назван, а само обращение приобретает характер внешнего приема. И все же именно такое обращение принципиально важно.

Вряд ли можно сказать, что в стихах нарисован образ крестьянского мальчика. А об этом иной раз пишут. Но само имя, и даже только имя, уже становилось образом крестьянства. И появилось это крестьянское имя¹ не случайно, как не случаен и деревенский мотив вступления:

«Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу!»
Вишь пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

Здесь есть попытка как-то соотнести революционный образ с народом, связать их. Правда, связь в стихо-

¹ Впрочем, современный исследователь уточняет: «Носить имя Еремей мог и мещанин, и купец, и попovich (Иеремия). Имя это редко только в дворянстве...» (Бухштаб Б. Я. К истолкованию стихотворения «Песня Еремушке». — В кн.: Некрасовский сборник. Л., 1980, т. 11, с. 121.)

творении осталась условной и в известном смысле внешней. Но это уже не художественная неудача, а отражение реальных противоречий самой жизни.

Отношение лирического образа героя стихотворения и образа Еремушки (мы уже сказали, что здесь есть образ в самом имени) приблизительно то же, что отношение Рахметова к Никитушке Ломову в романе Чернышевского «Что делать?». Два типа сознания, как и два типа жизни, к которым обращается поэт, взаимосвязаны, но и разобщены.

И художники (Некрасов и позднее Чернышевский), каждый по-своему, пытаясь преодолеть эту разобщенность, еще раз ее продемонстрировали.

В то же время Некрасов не идет на искусственное объединение обоих начал, не стремится сделать их взаимопроникающими, как это, пожалуй, имеет место у Чернышевского. То, что образ-ия Еремушка и образ-обращение к нему все же существуют в стихах как бы сами по себе, есть свидетельство большой поэтической чуткости Некрасова. Мера условности оказывается здесь и мерой художественного такта поэта.

Идея высшего человеческого подвига определила и весь художественный строй стиха. Когда Добролюбов писал, что стихи Некрасова «идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости», то тем самым он указывал на обстоятельство, обусловившее этот художественный строй. Его можно было бы определить одним словом — «максимализм».

Некрасов, видимо, был прав, когда писал о Тургеневе как о писателе, способном «дать нам идеалы, насколько они возможны в русской жизни», — письмо относится к 1855 году. Известно, что и Чернышевский возлагал тогда на Тургенева подобные надежды. Но прежде всего этот идеал — идеал революционного подвига — несла в жизнь литература революционной демократии, поэзия Некрасова. То, что могло показаться Тургеневу фразерством, действительно могло у него таковым стать, у Некрасова же было чем угодно, только не фразерством, ибо революционность здесь оказывалась не извне, хотя бы и с сочувствием описанной и анализируемой, а изнутри рвущейся. Таким образом, дело не просто в разности эмоционального отношения к жизненному и поэтическому материалу. Некрасов не боится того, что могло показаться фразерством или дидактиз-

мом именно потому, что у него есть «безоглядная преданность чувству», а она в данном случае была возможна только как прямое следствие и выражение революционного темперамента.

«Главное, — писал Некрасов в уже упомянутом письме В. П. Боткину, — статья много говорит молодому, не успевшему съезжиться сердцу, а молодежь — мастерица трубить. С нее все начинается» (X, 260). Вот таким подлинно трубным призывом была некрасовская «Песня». Максимализм ее требований, напряженная патетика обращений оказывались единственно возможными и как обращенные к максимуму чувств, которым так ярко отмечена молодость. И молодость поняла и приняла «Песню».

«...«Песнь Еремушке», — вспоминает современница, — оглашала то и дело рекреационные залы новой женской школы; это стихотворение заключало в такой доступной форме правила новой житейской мудрости. «Жизни вольным впечатлениям душу вольную отдай», — начинала, бывало, одна, самая бойкая из нас, и тотчас находились другие, которые продолжали: «человеческим стремлениям в ней проснуться не мешай». «Необузданную, дикую к лютой подлости вражду», — декламировали несколько, дружно обнявшихся между собой девочек. «И доверенность великую к бескорыстному труду», — как-то особенно кротко и нежно продолжали другие. И вскоре собиралась целая толпа... толпа, соединенная «Песней Еремушке», которая была в полном смысле слова нашею ходячею песней. Когда старшие заставляли нас подчиняться старинным освященным обычаям, которые приходились нам не по вкусу, мы отвечали словами из «Песни Еремушке»: «Будь он проклят, растлевающий пошлый опыт — ум глупцов». — и говорили сами себе: «Силу новую животворных новых дней в форму старую, готовую, необдуманно не лей».

Я, конечно, не могу утверждать, что под влиянием «Песни Еремушке» возникла описанная Тургеневым в «Отцах и детях» рознь между двумя поколениями, но это песнь, во всяком случае, служила первым воплощением — формулировкой этой возникавшей тогда розни.

В Некрасове подраставшее поколение видело мощного защитника всех возникавших в то время стремлений».

Нарастающее напряжение в «Песне Еремушке» обрывается, не доходя до самой высокой ноты:

«...С этой ненавистью правую,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...
И тогда-то...»

Снова вступает песня няни, старая песня:

...Вдруг проснулося
И заплакало дитя,
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

Видимо, для возбужденной и самоуверенной молодежи такое окончание как бы пропадало, снималось¹. Но для самого Некрасова оно не случайно. В этой оборванности много смысла. В самом совмещении пророчесвующего «и тогда-то» со старой песней выразился взгляд поэта в будущее, еще неясное (надежда и неуверенность) ожидание чего-то, т. е. не просто противозначительный смысл, но смысл, еще не определяемый никакими словами, ибо *того* еще нет, а есть лишь страстное ожидание его и пламенный к нему призыв.

О двенадцатой главе поэмы «Мороз, Красный нос»

Опыт реального комментария

«Мороз, Красный нос», — писал современный Некрасову критик Вл. Зотов, — принадлежит к числу лучших поэм Некрасова. Вся она проникнута таким знанием русского человека и русской жизни, такой любовью к народу, что после этой поэмы всякое сомнение в значении Некрасова, как истинно народного поэта, не может иметь места... Вся русская природа, весь быт деревни обрисованы и прочувствованы чрезвычайно верно».

Искусство поэта проявилось, конечно, не в том, что

¹ Обычно для вольной поэзии этой поры характерны концовки-лозунги (см.: Бушканец Е. Г. Вольная русская поэзия 1860-х годов. — В кн.: Народ-герой русской литературы. Казань, 1966, с. 23).